

кие голоса клушиц; по кустам перелетали щеврицы и *Prunella tuberculoides*; тибетские улары порядочным выводком кормились на солнечном пригреве, а высоко в небе плавно носились грифы и бородатый ягнятник.

Спускаться с перевала пришлось по крутому каменистому, засыпанному снегом ущелью. Торная дорога указывала на существование постоянного движения между стойбищами, расположенными к северо-востоку и юго-западу от хребта. Местами наше внимание сосредоточивалось на следах недавнего пребывания номадов. На плоских, свободных от снега лужайках темнели вытопанные, лишенные травы, площадки, где прежде стояли палатки или банаг'и тангутов; всюду валялся аргал, изредка попадались и кости животных, а однажды я нашел даже каменное орудие — особого рода колотушку с рукояткой для вбивания в землю шеронов...

В течение двух первых дней пути экспедиция следовала среди довольно сложной системы горных гряд и отдельных высот; кочевое население попрежнему оставалось воинственным, и приходилось быть настороже.

Двадцать шестого января, под перевалом Кисэр-ла, когда путешественники мирно отдыхали за чашкой чая, среди полной тишины, вдруг раздались странные вибрирующие звуки... Стоило лишь оглянуться на соседнюю вершину, как нашим глазам представилась группа конных тангутов, стоявших в полной боевой готовности... Наши подводчики тотчас ухватились за свои фитильные ружья, но Гуань-сю предупредил кровопролитие, во-время крикнув: «стой! это свои»... Столь простой и бесхитростный возглас возымел свое действие: грабители тотчас потеряли воинственный вид, повесили за плечи свои самопалы и вмиг исчезли за косогором...

На следующей стоянке, в урочище Самарин-гдо, где три ущелья, сливаясь в одно, образуют значительное расширение долины, мы вновь имели маленькое столкновение с туземцами. На этот раз нас потревожили свои же проводники, которые самым дерзким, вызывающим образом стали требовать немедлен-

Индийская монета
рупия с изображением
королевы Виктории.